
Е. Н. Пенская

«ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»: К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАТЕЛЬНОМ НАПОЛНЕНИИ РЕЧЕВОЙ ФОРМУЛЫ

Статья поступила
в редакцию
в ноябре 2012 г.

Аннотация

Анализируется динамика частотности использования термина «образовательная политика» в печатных изданиях и сетевых источниках, а также содержание, вкладываемое в это понятие в публицистических текстах, в частности в журналах «Образовательная политика» и «Свободная мысль», а также в двух сборниках очерков, изданных в 2012 г. и посвященных истории образования в России.

Ключевые слова: система образования, история образования, образовательная политика, публицистика.

Словосочетание «образовательная политика» приобрело актуальность и активно включилось в российский социокультурный лексикон с начала 1990-х как инструментальное обозначение системных действий, направленных на реформирование образования. За прошедшее 20-летие данная фигура речи претерпела ряд изменений, превратившись в клишированную формулу. Динамика контекстов и маркирования данной формулой целого набора ситуаций, ее присутствия в том или ином качестве в исследовательской и публицистической продукции (в общих заглавиях работ, в отдельных фрагментах внутри текстов, в полемической ситуации журнально-газетных материалов, в фундаментальных академических разработках) позволяет проследить ряд изменений — прежде всего в диапазоне и частотности обращения к самой формуле.

Анализ 76881 документа (пресса, сетевые источники, монографии, сборники и т.д.)¹ показал, что появление в дискуссионном и информационном поле данного термина совпадало преимущественно с двумя обстоятельствами:

- событийные сгущения, концентрация реформаторских мер, сфокусированных медиа;

¹ Использованы базы данных Integrum, Public.ru, Medialogia.ru, Ruscorporu.ru.

- всплески общественных обсуждений — стихийных либо инспирированных заинтересованными группами.

При формировании повестки дня в образовании все стороны, включенные в процесс, прибегали к устоявшемуся клише «образовательная политика». Активное «присвоение» данного клише происходило в первую очередь посредством трансляции образовательных сюжетов через каналы массмедиа.

Рис. 1 **Распределение употребления словосочетания «образовательная политика» по годам (частота на миллион словоформ)**

Источник: Национальный корпус русского языка.

На рис. 1, иллюстрирующем динамику употребления клише «образовательная политика», видны точки бифуркации — скачки, конфликтные срывы, падения и подъемы. Особенно заметных несколько: середина и конец 1990-х, период политической чехарды и быстрой передачи власти из одних рук в другие в Министерстве образования; затем начало 2000-х, отмеченное чередой общественных дискуссий по поводу принятия радикальных политических решений, связанных с реструктуризацией образовательных стандартов, Болонским процессом и переходом на двухуровневую систему образования, введением ЕГЭ; 2006–2007 гг., на которые пришлось проведение масштабной государственной кампании «Национальные проекты». После некоторого затишья шаблон возвращается в 2010–2012 гг., создавая новые контексты, содержательные «гнезда», обретая новые содержательные оболочки и оживляя жанры, не освоенные до сих пор. Отсутствие употребления термина в ситуациях, когда можно было бы ожидать его появления, также является знаковым.

Таким образом, на наш взгляд, внутренние и внешние признаки клише «образовательная политика», их реконфигурация, уход или навязчивое присутствие этого клише становятся индикатором,

позволяющим отслеживать и анализировать переформатирование отношений, расстановку позиций, характер диалогов между властными структурами — разработчиками концептуальных действий и обществом, между заказчиками, определяющими запрос, и исполнителями.

В нашу настоящую задачу входит постановка проблемы в целом и обсуждение ее на материале последних лет. В этот период произошло возвращение термина «образовательная политика», и у него даже появилась дополнительная энергетика, но в его употреблении имеется выразительный и неслучайный пропуск: в проектах, пособиях, монографиях, создаваемых в учебных целях, понятие «образовательная политика» отсутствует. Более того, создается ощущение, что те авторы, которые берутся описывать постсоветские исторические коллизии, сознательно или неосознанно пропускают соответствующие сюжеты. Пример — вышедшее в РГГУ пособие для магистрантов «История СССР/РФ в контексте современного россияведения» (М., 2011), в котором вопросы образовательной политики затрагиваются в контексте обсуждения общих культурных трансформаций.

Тем не менее понятие «образовательная политика» в последние годы получает дополнительную валентность. Так, с 2010 г. выходит публицистический журнал, который так и называется — «Образовательная политика». За два года — достаточно короткий срок — он успел занять свою нишу и собрать значительную аудиторию. В декларации о намерениях сказано: «Миссией журнала “Образовательная политика” является проектирование, поддержка и лоббирование тех социальных изменений в эволюции нашего гражданского общества, которые открывают потенциальные возможности его становления как общества образования, а не только общества знаний или инновационного общества». Отметим ключевые слова: «проектирование», «поддержка» и «лоббирование», т.е. предполагается активное вторжение в образовательную сферу, журнал позиционирует себя как влиятельного игрока. И далее: «Под обществом образования подразумевается такое общество, движущей силой и базисом которого является образование как ведущая социопорождающая и лично-порождающая деятельность, определяющая конкурентоспособность личности, общества и государства». Напоминает заклинание и обращение к гипнотическим приемам, оперирующим одними и теми же словами. Троекратное повторение слова «общества» обладает сильным воздействием.

«Образовательная политика» в целом сильный журнал, провоцирующий ответные сильные реакции. Это воздействие, сильный энергетический заряд ощущается сразу в стартовом манифесте: «Поэтому, дорогая публика, если вы разделяете миссию нашего журнала “Образовательная политика”, то вы — читатели нашего журнала и его авторы. Если же вы не согласны с подобной миссией образования и готовы, опираясь на методологию

современной науки, предложить свои сценарии развития образования, то страницы нашего журнала ждут вас. В споре рождается не только истина. В обсуждении публичных проблем образования рождаются и наши читатели, и наши авторы. Сформулированную подобным образом миссию нашего журнала можно называть социокультурным проектом. Реализуя эту миссию, мы будем стараться превратить журнал «Образовательная политика» в журнал публичного обсуждения преимуществ и рисков различных инноваций в образовании, которые выходят за пределы интересов только профессионального цеха и становятся социальными инновациями, затрагивающими буквально все слои общества». Редакция выполняет обещания и реализует миссию.

«Образовательную политику» выпускает Федеральный институт развития образования. В 2010 г. появились 12 номеров (из них пять сдвоенных), в 2011 г. — 6 номеров. За 2012 г. в Сети пока представлен только один номер, открывающийся статьей главного редактора Александра Асмолова «Закон “Об образовании” в сетевом столетии: от образования для всех к образованию для каждого». В ней обсуждается ключевой момент — введение новых законодательных актов в подведомственной сфере. Автор предлагает семь пунктов обсуждения, суммирующих сегодняшнее проблемное поле. Финал текста знаменателен: «В целом новый закон об образовании, как и государственная программа развития образования, выражают *установку на успешную социализацию и профессионализацию КАЖДОГО в гражданском открытом обществе*, тем самым способствуют развитию и “образования для каждого”, и “образования для всех”. Исходя из позиции эволюционного оптимизма, можно надеяться, что и новый закон, и госпрограмма образования в ходе дальнейшего обсуждения в парламенте позволят прийти к желанной стратегии накопления согласия в нашей стране и воплотить в жизнь мечту **об образовании, которое ведет за собой развитие общества, а не плетется в хвосте социально-экономических трансформаций России**».

Программная стратегия российской образовательной политики, сформулированная столь остро, обнаруживает аналоги в других сферах. Антипараллелью можно считать пространное публицистическое выступление Олега Смолина на страницах возобновленного журнала «Свободная мысль» — это статья-интервью с эпическим названием «Образование — фундамент культуры»². Данное высказывание Олега Смолина выполнено в формате самостоятельной внутренней вставки — брошюры, занимает заметное место, «озаглавливает» номер, содержит весь концентрированный набор упреков, традиционной алармистской критики, прямых обвинений в адрес реформаторов,

² Свободная мысль. 2012. № 1–2 (1631). С. 7–24.

а в заключение автор предлагает свою версию истории образовательных реформ и образовательной политики за последнее 20-летие.

В интерпретации О. Смолина российское образование прошло через пять этапов с заметным возрастанием пагубных тенденций, приводящих образовательную сферу к разрушению и деградации. Кульминация угроз, по мнению Смолина, сосредоточена в последней фазе, начатой в 2004 г. и еще не завершившейся в настоящее время: с его точки зрения, это «контрреформа образования вообще и образовательного законодательства в особенности. Основными признаками контрреформы образования и образовательного законодательства стали так называемая расчистка прежнего образовательного законодательства, а затем и фактическая ликвидация наиболее важных его достижений; отмена наиболее важных социально направленных положений, содержащихся в прежних документах исполнительной власти (включая Программу модернизации российского образования до 2010 г.), и принятие ряда стратегических документов с явным уклоном в сторону построения элитарной системы образования (в том числе «О приоритетных направлениях развития образовательной системы Российской Федерации»)».

Если сравнить многие тексты, посвященные данной теме, то при всей кажущейся противоположности их риторические совпадения налицо. Нередко они, как ни странно, демонстрируют содержательное опустошение понятия «образовательная политика».

Этот естественный путь к клишированию, формализации со своей стороны прокладывает и любопытная книга Бориса Старцева «Хроники образовательной политики: 1991–2011», выпущенная Издательским домом Высшей школы экономики в 2012 г. Автор — журналист, с 1993 г. изучавший кухню образовательной политики сначала как корреспондент газеты «Иностранец», потом в его послужном списке числятся «Итоги», «Еженедельный журнал», сейчас — «Вестник образования» Минобрнауки России. Что такое «Хроники»? Как аннотирует Борис Старцев свою работу, получилась серия очерков из истории образования в постсоветской России. Материалы СМИ плюс собственные наблюдения, свидетельства очевидцев — вот основные ингредиенты описания дискуссий, портретов участников, словом, всей той слабоструктурированной мешанины, что мы называем образовательной политикой. В этих очерках ЕГЭ и ГИФО, нормативное финансирование и новая система оплаты труда, прикладной бакалавриат и профильное обучение — все эти разрозненные и связанные сюжеты — встраиваются в общую повествовательную канву с неупорядоченным нарративом, помещенным в плохо сочетающиеся друг с другом стилистические координаты между сухим отчетом, репортажем и эссеистической заметкой.

Содержание — первый вход в книгу, «форма плана» — всегда очень выразительно и говоряще. Это афиша, код, представление парадигмы. В книге 15 глав. Вот они.

Глава I. «Исходя из исключительной значимости...»

Что обещали?
На что жили?
Как боролись?
Как работали?
Что думали?

Глава II. Между двумя концепциями

«Иллюзия, удивляющая наивностью»
Рационализация и мобилизация
За рамками приличий
«Но вот беда: сдохла!»

Глава III. «Полгода совсем никуда»

«От НЭПа к НОПу»
«Осудить безобразный доклад»
Экономная экономика

Глава IV. «Почему мы такие бедные?»

«Так можно разрушить всю систему образования»
Закрывается на учет?
Дежа вю
«Опиум для народа»

Глава V. «На основе объективных профессиональных подходов»

Материальное и моральное. ЕГЭ и ГИФО
Школа будущего
Первые шаги

Глава VI. Реформа мнимая и подлинная

Образовательная мифология
Из пункта А в пункт Б
«Ширмаш» как ширма
Хроники образовательной политики: 1991–2011
Открытая книга
Советы Госсовета

Глава VII. В поисках нового: механизмы и содержание

Сходства и различия
Лучшие вузы — для лучших студентов
Школа в профиль
Найти 10 отличий
Холодная весна 2004-го

Глава VIII. Министерство новых возможностей

Хорошо забытое новое: дьявол в мелочах
«4+2»
Заменить Сороса

Глава IX. Владимир Путин вместо Джорджа Сороса

Поддержка лучших или зарплата для всех?
Топтание перед стартом

Системный эффект? «Вторая серия»

Глава X. «Перезагрузка»

Общественность

Вертикаль. За помощью к бизнесу

Государственная задача

Глава XI. 2020. Модель для сборки

Футуристические размышления. Спасти живое

Подковать блоху

Дороги, ведущие не в тупик. Образ образования для всех и каждого

Глава XII. Новая школа и новые университеты

Школа нашей мечты

Выше среднего

«Ниже плитуса»

Глава XIII. Пределы совершенства

«Это ж надо такое придумать!»

Содержание

Наша новая старшая школа

Образовательный антропоцентризм

Глава XIV. Трудно быть учителем

Избавление от «неэффективов»

Самочувствие учительства

Миссия оппозиции

Глава XV. Расписание на завтра

Фокус № 1: школа как ресурс социализации

Фокус № 2: новый бакалавриат и новое ГИФО

Послесловие. Бренды, тренды и смыслы

Соединенные вместе, тексты составляют веселый и беспорядочный шлягер, шансон. Фельетонность хроник — местами искренняя, простодушная, спонтанная — не вызывает сомнений. Поэтому трудно согласиться с рецензентом журнала «Отечественные записки» Валентиной Быковой, увидевшей в этой серии очерков «последовательность решений ответственных лиц», «целостность рассказа о процессе, преодолевшем уже не одну модификацию»³. А вот то, что образовательная политика «представлена именами министров и высших чиновников», да еще снабжена фотографическим рядом, верно. Справедливо, что «лишь изредка мелькают мнения и имена педагогов». В результате получился гламур, глянец. «Хроники образовательной политики. 1991–2011» — это публицистический инвариант, аналог «Хроник Нарнии». Здесь также получился цикл фэнтезийных материалов, а в каждой серии обнаружили свои герои, которые борются друг с другом или предшественниками. Так же как в подлинных «Хрониках Нарнии», порядок чтения или порядок просмотра серий неважен. Можно соблюдать

³ Отечественные записки. 2012. № 4.

условия игры и следовать летописному порядку, но в то же время допустимы и даже желательны нарушения.

Книга «Расписание перемен» — тоже очерки. Это «Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы)» (М.: Новое литературное обозрение, 2012). Ее стоит проанализировать отдельно.

Главная притча последних двух десятилетий — реформа. Реформа со всем шлейфом мыслимых и немыслимых определений, стягивающихся в конце концов в один смысловой узел: неудачная реформа, провал и банкротство реформаторов. Описанию этих реформаторских коллапсов и поражений как национальному фатуму посвящено немало статей, эссе и даже монографий. Бесспорно, тема богатая и перспективная.

Реформирование тех или иных областей социума проходит, как правило, в трех измерениях. Прежде всего проведение реформ опирается на систему экспертных оценок настоящего положения дел в отрасли, прогнозирование последствий. Предполагается также, что анализ предшествующих этапов, учет прошлого опыта является необходимым фактором, влияющим на принятие актуальных решений, направленных на изменение сложившейся ситуации.

Тем понятнее остроумное, короткое, афористически емкое название — «Расписание перемен», снабженное пространством подзаголовком. Первое ожидание некоторой необязательной стыковки, эссеистической вольности в подборе разнопланового освещения тем — настрой, возникающий у читателя очерков, — сразу и подтверждается, и разрушается. Подтверждается тем, что очерки разные, по-разному написанные, с разной степенью привлекения и проработки исторических источников. Пестрота очерковых заметок не всегда искупается их видимой фундаментальностью.

Так, сборник состоит из трех крупных разделов, структурирование которых не прояснено до конца. В нем хронологический принцип совмещен с каким-то другим, скорее всего, предметно-тематическим, представленным с большей или меньшей степенью детализации: первый раздел — «1890-е — 1910-е» (или размытая граница «начало XX века»); второй раздел — «1917-й — 1920-е — 1940-е»; в третьем разделе те же даты — 1890-е — 1917-й, 1917-й — 1920-е или 1930-е. Не совсем очевидно для читателя такое трехчастное деление сборника, тогда как двухчастное могло бы быть более уместным и экономным хотя бы потому, что во втором и третьем разделах одинаково обсуждаются как общие, так и частные вопросы. Не совсем очевидно, к примеру, расположение материалов: «Пролетаризация высшей школы: «новый студент» как инструмент образовательной политики» — во втором разделе, а «Генеалогия «спеца»: высшая специальная школа и техническая наука в условиях социальной мобилизации» — в третьем.

Кроме того, за богатством фактического материала и подлинной добротностью издания все же обнаруживаются некоторый авторский дефицит, и нехватка разработок, и неравномерность

тематического распределения, проявившаяся в повторах и самодублировании имен. В книге 22 статьи, 18 авторов. Игорь Владимирович Зубков, научный редактор издательства «Большая российская энциклопедия» — «очеркист-чемпион», он представлен в первом разделе сразу тремя объемными материалами: «Система начальных и средних учебных заведений в России (1890–1916 гг.); «Земские школы, гимназии и реальные училища (1890–1916 гг.); «Инспекторы народных училищ в системе управления народным образованием». Есть и еще несколько авторов, дважды присутствующих в книге. Это Антон Владимирович Свешников, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета, доктор исторических наук; Владимир Вячеславович Рыжковский, сотрудник Университета штата Мэриленд (Колледж Парк); Леонид Гарриевич Берлявский, профессор Ростовского государственного экономического университета, доктор исторических наук, кандидат юридических наук. Жаль, правда, что Леонид Гарриевич воспользовался услугами издательства Lambert Academic Publishing GmbH & Co с крайне сомнительной репутацией, опубликовав в нем книгу «Власть и советская наука. Формирование государственной политики (1917–1941)». Жаль, что и составители сборника «Расписание перемен» включили эту деталь в библиографию автора, тем самым отчасти скомпрометировали и автора, и чуть-чуть — книгу. Но это мелочь.

С другой стороны, авторский состав подобран тщательно и представляет передний край, «сливки» исследователей образовательной сферы. Практически все участники сборника выпустили несколько монографий, публиковали свои научные штудии в журнале «Новое литературное обозрение» и имеют хороший академический опыт. Однако нередко тексты, помещенные в «Расписании перемен», представляют собой в той или иной степени модифицированные статьи, «вырезки» или монтаж фрагментов монографий, выпущенных авторами прежде, и порой они лишь поверхностно переработаны под формат данного издания с отчасти искусственным педалированием термина «политика» в названиях. Если в первом разделе «политика» встречается лишь однократно, то в названиях второй и третьей части «политика» присутствует (к месту и не к месту) почти в каждом материале.

Придирчивый читатель может, наверное, составить обстоятельный список «сомнений» и «смущений», но тем не менее наверняка утолит свой голод — сборник, несмотря ни на что, получился сытным. И эта сытность очевидна с самого начала — с «пояснительной записки» редактора-составителя Александра Дмитриева, ведущего научного сотрудника Института гуманитарных и историко-теоретических исследований Высшей школы экономики, имеющего давнюю и хорошо отработанную практику превращения «бесконфликтных компендиумов» в фундаментальные научные труды.

Хотелось бы не пропустить новый ракурс, предложенный «режиссерами проекта» и точно сформулированный в предисловии

«Правила реформ» (или коллективный «опорный конспект»): «В рамках привычного разделения историографического труда история науки практически совсем не пересекается у нас с историей образования <...> ни институционально, ни методологически. Специалисты в одной из этих областей нередко весьма приблизительно представляют себе положение дел в другой сфере, далеко не самой близкой для них (история образования обычно связывается с социальной историей, а история науки нередко понимается как наиболее “продвинутое” и эзотеричное ответвление истории интеллектуальной). Принципиальным ориентиром при создании “Очерков” было объединение и <...> взаимоосвещение двух этих историографических доменов в рамках некой общей познавательной стратегии».

И еще один ориентир в духе времени. Политика образования рассматривается не в единственном числе. Политик много, «поскольку проводниками и агентами их оказывались разные общественные и профессиональные группы, от студенческих объединений до прогрессивных (или, напротив, консервативных) министров». Эту множественность в сборнике если и не удалось полностью представить, то получилось хотя бы наметить, приблизиться к построению карты. Не сейчас. В будущем. Тем не менее «Расписание перемен» — основательный, фундаментальный труд. На его основе можно восстановить понятие «образовательная политика», очистить его от эстрадных коннотаций и заново использовать как рабочий инструмент для анализа актуальных и острых проблем. «Расписание перемен» дает нам возможность в который раз убедиться: история, грамотно выстроенная, необходима для понимания современности.